

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62

Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)

А.В. Луговской, Ю.С. Пестушко, Е.В. Савелова

Аннотация. Становление культурных особенностей народа, специфики его мировоззрения и этнопсихологии во многом происходит под влиянием географического фактора, включающего местоположение государства, природно-климатические особенности, наличие/отсутствие выхода к морям или океанам и т.д. Одним из относительно новых терминов в российской и зарубежной гуманитарной науке является понятие «инсулярность» (insular, insularity), под которым понимается «изолированное происхождение», «островное положение», «эффект острова». Понятие «инсулярность» фиксирует не только факт географической изолированности, но и культурно-политическое и этнокультурное наполнение данного термина. Представленное исследование преследует цель проанализировать влияние географической инсулярности Великобритании и Японии на формирование у народов этих стран «островного» мышления, отличительных социокультурных черт. В статье рассматривается, насколько фактор географической предопределенности стал решающим в становлении этнокультурного своеобразия англичан и японцев. Определенное внимание в работе также уделено изучению вопроса о свойственных носителям «инсулярных» культур особенностях национального характера. В работе отмечается, что островное положение Великобритании и Японии, а также природно-климатические условия этих стран предопределили не только специфику расселения людей на острове и особенности ведения ими хозяйства, но и обусловили особенности менталитета и национальной психологии этих стран. Определяющим фактором в формировании национальной идентичности как британцев, так и японцев стал образ «другого», образ «врага». Подобное разделение между «своим» и «чужим» легло в основание ряда ценностей культур обеих стран. Инсулярные культуры Японии и Великобритании имеют несколько существенных отличий. Япония имеет более выраженное иерархическое общество, где уважение к старшим и авторитетам является ключевым аспектом японской культуры. Великобритания, напротив, имеет более индивидуалистическое общество с меньшей степенью иерархии. Япония более традиционна, и в японской жизни культурные и религиозные обычаи, нормы и ценности имеют очень важное значение. В свою очередь, Великобритания более современна и более пластично вписывает в практику своей жизни множество иных культурных традиций и новых идей. Японская культура более фокусируется на коллективизме, в то время как Великобритания, отчасти находясь под влиянием европейского менталитета, больше ориентирована на индивидуализм и личную свободу.

Ключевые слова: *инсулярность, остров, островное мышление, менталитет, этнокультурная идентичность, монархия, Великобритания, Япония.*

Авторы: *Луговской Александр Витальевич, доцент высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (адрес: 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136). ORCID: 0000-0003-1846-4316; E-mail: 009449@pnu.edu.ru.*

Пестушко Юрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112), профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (адрес: 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136); ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Савелова Евгения Валерьевна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112); ORCID: 0000-0002-3913-8520; E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: А.В. Луговской, Ю.С. Пестушко, Е.В. Савелова. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 49–62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)

A.V. Lugovskoy, Y.S. Pestushko, E.V. Savelova

Abstract. The formation of cultural characteristics of a nation as well as the peculiarities of its worldview and ethnic psychology are largely influenced by the geographical factor which comprises the location of a country, its climate, the access or absence of access to seas, oceans, etc. One of relatively new terms in the Russian and foreign humanities is “insularity” which is understood as “isolated origin,” or “island location,” or “the island effect.” The notion of insularity is not only constituted by the fact of geographic isolation, but it also includes certain cultural, political, and ethnocultural features. The study aims to analyze the effect of the geographic insulation of Great Britain and Japan on the formation of island mentality and specific socio-cultural characteristics of these two island nations. The authors discuss the defining role of the geographical factor in the formation of the aforesaid characteristics of the British and the Japanese. The article particularly focuses on the study of national character traits typical of the two insular cultures. The study argues that the insular location of Great Britain and Japan as well as the climatic and natural conditions of these countries not only predetermined the specifics of human settlement and their economy but also shaped the mentality and worldviews of the people inhabiting the islands. The key factor in forming the national identity of both the British and the Japanese is the image of the Other, the image of the enemy. The distinction between the Self and the Other has underpinned a number of key national values. At the same time, the insular cultures of the UK and Japan display certain differences. Japan is a country with a distinct hierarchical social organization in which respect for older people and superiors is a key cultural characteristic. In contrast, the UK has a less hierarchical individualistic society. Furthermore, Japan is more conventional from the point of view of its cultural and religious institutions, norms and values. In its turn, the UK is more modern and possesses an ability to flexibly incorporate other cultural traits and new ideas. Finally, Japanese culture focuses more on collectivist practices whereas the UK being partly under the influence of European mentality is more oriented towards individualism and personal freedom.

Keywords: insularity, island, island mentality, mentality, ethnocultural identity, monarchy, Great Britain, Japan.

Authors: *Lugovskoy Alexander V.*, PhD (Philology), Associate Professor at the Higher School of Eurolinguistics and Cross-cultural Communication, Pacific National University (address: 136, Tihookeanskaya St, Khabarovsk, 680035, Russian Federation). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1846-4316>; E-mail: 009449@pnu.edu.ru.

Pestushko Yuri S., Doctor of Sciences (History), Associate professor, Professor at the Department of Culture and Museum Studies, Khabarovsk State Institute of Culture (address: 112, Krasnorechenskaya St., Khabarovsk, 680045, Russian Federation), Professor at the Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University (address: 136, Tihookeanskaya St, Khabarovsk, 680035, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru. E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Savelova Eugenia V., Doctor of Sciences (Philosophy), PhD (Culture Studies), Associate professor, Professor at the Department of Culture and Museum Studies, Khabarovsk State Institute of Culture (address: 112, Krasnorechenskaya St., Khabarovsk, 680045, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3913-8520; E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Lugovskoy, A.V., Pestushko, Y.S., Savelova, E.V. (2023). Insulyarnost' kak yadro etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) [Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 3, 49–62. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Введение.

Понятия «инсулярность» и «островной менталитет»

Одним из относительно новых терминов в российской и зарубежной гуманитарной науке является понятие «инсулярность», трактуемое также как «изолированное происхождение», «островное положение», «эффект острова». На сегодняшний день указанное понятие является предметом логико-понятийного анализа специалистов в области лингвистики, культурологии, этнопсихологии и других научных направлений.

Инсулярность – прежде всего географический термин, под которым понимается островной ландшафт либо участок однотипной местности, окруженный со всех сторон другим территориальным комплексом. Понятие «инсулярность» включает в себя такие типы изолированных ландшафтов, как надводные острова и архипелаги [Мильков 1993, с. 169–170].

В современном английском языке фиксируются два основных значения слова *insular*: 1) ограниченный, проявляющий интерес к своей группе, стране; 2) похожий на остров [Longman Dictionary 1992, p. 682]. Производное существительное *insularity* также трактуется двояко: 1) состояние островной изолированности; 2) состояние физической и ментальной изолированности как результат проживания на острове [Simpson, Weiner 1989, p. 1055]. Таким образом, коннотативно отрицательное значение, содержащее в себе семантику ментальной ограниченности, выносится на второе место.

Становление культурных особенностей народа, особенностей его мировоззрения и этнопсихологии во многом происходит под влиянием географического фактора, включающего в себя местоположение государства, природно-климатические особенности, наличие/отсутствие выхода к морям или океанам и т.д. Не случайно определения понятий *insular* и *insularity* фиксируют не только факт географической изолированности, но и культурно-политическое и этнокультурное наполнение данного термина. В частности, особенностями так называемого островного менталитета (*island mentality*) являются этноцентризм, представления о собственной исключительности и превосходстве островного сообщества над остальным миром. Кроме того, носителям «островного менталитета» могут быть свойственны заносчивость и шовинизм. Таким образом, сформировавшийся в условиях географической изолированности островной менталитет как форма коллективного мышления может иметь негативную коннотацию.

Идеи инсулярности и этнокультурной идентичности инсулярных народов вписываются в контекст социогуманитарных размышлений о соотношении универсального и уникального

в культуре. Эти размышления и дискуссии возникли в первой половине XX в. в рамках американской школы культурной антропологии (Ф. Боас, М. Херсковиц, А. Крёбер, К. Уисслер, Р. Бенедикт, М. Мид, Л. Уайт, Э. Сепир и др.) и остаются до сих пор актуальными.

Универсальное и уникальное являются двумя основными аспектами культуры, которые тесно взаимосвязаны. Универсальные черты понимаются как общие для всех культур, включая такие элементы, как язык, религия, искусство, традиции, семейные отношения, образование, технологии и особенности поведения. Универсальная модель культуры описывает те основные компоненты, которые представлены во всех культурах мира, независимо от этнической, географической и социальной принадлежности. Уникальное же относится к специфическим характеристикам каждой культуры, которые дают ей индивидуальность, неповторимость и своеобразие.

Американская школа культурной антропологии фокусировалась на описательном и сравнительном анализе культур и поиске их общих закономерностей. Главной идеей школы было развитие культурной антропологии как науки о культуре и поиска путей изучения и понимания культурных различий между разными народами и обществами. Школа была основана на представлении, что существуют определенные общие характеристики культур в разных частях мира, которые можно изучать и сравнивать. Научный метод, используемый в американской культурной антропологии, предполагал наблюдение и участие наблюдателя в жизни того или иного народа и понимания его культуры через его собственные привычки, традиции и убеждения. Как писал К. Клакхон, антропологи «интересовались необычными, драматическими и непонятными аспектами человеческой истории и хотели знать, почему одними управляют короли, другими – старики, третьими – воины, а женщины – никем; почему у одних народов наследство передается по мужской линии, у других – по женской, а у третьих – и по той, и по другой; почему одни люди болеют и умирают, если они считают, что их заколдовали, а другие смеются над этим» [Клакхон 1998, с. 23].

Одной из ключевых для концепций американской школы культурной антропологии была идея культурного релятивизма – уважения к культурным особенностям каждого народа и отсутствия оценки их по стандартам своей собственной культуры. Согласно этому подходу, каждая культура должна быть понята и оценена в контексте своих собственных ценностей, норм и традиций. Этот подход отвергает идею существования единой нормы для всех культур и подчеркивает разнообразие и уникальность каждой культуры. В рамках культурного релятивизма антропологи стремятся избежать этицизма и суждений о других культурах, используя только объективные данные и факты в своих исследованиях и описаниях. Эту позицию кратко и точно сформулировал М. Херсковиц: «Признать, что право, справедливость, красота могут иметь столько же проявлений, сколько культур, – это значит проявить не нигилизм, а терпимость» [Herskovits 1955, p. 547].

Таким образом, принципиальная установка американской школы культурной антропологии на несводимость различных культур к одному основанию привела к появлению абсолютно нового взгляда, суть которого заключалась в рассмотрении каждой отдельной культуры как уникального целого, формирующегося под воздействием природного окружения, культурных контактов и других самых разнообразных факторов.

Представляется, что этнокультурная идентичность инсулярных народов определяется рядом особенностей, связанных с их географическим положением, историей и традициями. К таковым особенностям можно отнести следующие характеристики:

1. Уникальность окружающей природной среды. Океан и моря, окружающие острова, оказывают сильное влияние на физические и культурные характеристики инсулярных народов, их социальную структуру, религиозные верования, повседневную жизнь, нравы и обычаи. Инсулярные народы могут быть более уязвимыми для изменений внешней среды, таких, как климатические изменения, проблемы экологии, наводнения и другие природные бедствия.

2. Культурная изоляция. Инсулярные народы живут на островах, что делает их географически отрезанными от остального мира. Эта изоляция может приводить к развитию уникальных традиций, особенностей языка и культурных практик. С другой стороны, инсулярность часто приводит к предубеждению и недоверию к другим культурам, так как люди, живущие внутри изолированных культурных общин, боятся изменений и новшеств.

3. Кросс-культурное взаимодействие. Несмотря на изоляцию, многие инсулярные народы были подвержены сильному влиянию других культур в результате торговли и колониальной экспансии. Как результат, культуры инсулярных народов часто представляют собой сочетание элементов многих культур при сохранении, тем не менее, собственной целостной «национальной картины мира».

До недавнего времени в большинстве гуманитарных дисциплин термин «инсулярность» чаще всего применялся при описании Великобритании и особенностей менталитета ее жителей. Например, Е.В. Волкова трактует инсулярность как часть языковой и понятийной картины мира британцев [Волкова 2022, с. 18]. Л.Л. Баранова и Л.Ф. Мишина приравнивают этот термин к островному мышлению и определяют его как «неотъемлемую часть языковой картины мира британцев, которых часто характеризуют как людей отстраненных и высокомерных» [Баранова, Мишина 2021, с. 116].

Вместе с тем понятия «инсулярность» и «островное мышление» могут быть применены к описанию менталитета не только населения Великобритании. Некоторые примеры инсулярных культур, которые были хорошо изучены, включают культуру Полинезийских, Маркизских, Гавайских островов, островов Фиджи, Ирландии, Мальты и др. Определенный интерес представляет проведение сравнительного анализа социокультурных и этнокультурных особенностей населения Великобритании и жителей Японских островов, чей групповой менталитет и совокупность индивидуально-личностных установок сформировались в условиях островной изоляции.

Представленное исследование преследует целью проанализировать, насколько географическая инсулярность Великобритании и Японии оказала влияние на формирование у народов этих стран «островного» мышления, отличительных социокультурных черт. Кроме того, в статье рассматривается, насколько фактор географической предопределенности стал решающим в становлении этнокультурных особенностей англичан и японцев. Определенное внимание в работе также уделено изучению вопроса о свойственных носителям «инсулярных» культур особенностях национального характера.

Инсулярная культура Великобритании

Британские острова представляют собой архипелаг, состоящий из двух крупных островов – Великобритании и Ирландии, а также свыше тысячи более мелких островов. На архипелаге расположены две страны – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, занимающее о. Великобритания, северную часть о. Ирландии и большинство входящих в архипелаг островов (около 243 тыс. кв. км), а также Республика Ирландия, занимающая большую часть одноименного острова (70 тыс. кв. км) [Gillespie, Williamson 2009, p. 116].

Исторически данная область не всегда являлась островной. Согласно геологическим данным, отделение острова Великобритания от материковой Европы произошло примерно 100 000 лет назад в результате таяния ледников и вымывания известняковых пород между островом и континентом.

Заселение острова человеком началось свыше 700 000 лет назад [Stringer, 2011], когда Великобритания не была отделена от материка. Однако климатические условия не позволяли человеку закрепиться на данной территории до относительно недавнего времени (примерно

13 000–8 800 лет назад), то есть до окончания последнего ледникового периода [Gillespie, Williamson 2009, p. 117].

Об усилении роли островного национального сознания можно говорить лишь начиная с XVI в. До этого не существовало ни единого территориального, ни единого политического пространства. Несмотря на относительную самостоятельность и сплоченность Англии, остальные территории (по большей части Уэльс и Шотландия) на протяжении долгого периода представляли собой множество раздробленных княжеств и королевств, которые с переменных успехом вели друг с другом междоусобные войны.

XVI в. заложил в британцах основы островной империалистической идеологии и национального самосознания, которые объединяли людей и придавали им особый статус собственной исключительности, самостоятельности и независимости от остального мира. В их основании, согласно Д. Армитажу, лежали такие черты, как английский протестантизм, освоение моря и расширение торговли – характеристики, предопределившие развитие страны как ведущей колониальной морской державы [Armitage 2004].

Протестантизм явился ответом Англии на абсолютное влияние папской католической церкви. Разорвав отношения с Римом ради политических и, главным образом, личных целей, Генрих VIII создал в 1529 г. Реформационный парламент, деятельность которого привела к появлению Англиканской церкви. Выпущенный 1534 г. «Акт о супрематии» (Act of Supremacy) провозглашал короля главой Англиканской церкви и закреплял за страной особый религиозный статус.

Параллельно с Реформацией в Англии аналогичные процессы происходили в Уэльсе и Шотландии. В 1530–1540 гг. Уэльс не только провел Реформацию, но и рядом законодательных актов включил себя в английскую систему управления. Реформация затронула и Шотландию, находившуюся в то время в более сложных отношениях с Англией, чем Уэльс: соответствующие акты были приняты в 1560 г. Несмотря на то, что Шотландия была завоевана Англией лишь в 1650–1652 гг., Реформация запустила процесс сближения двух стран [Блэк 2008, с. 170–171].

Происходившие в XVI в. процессы способствовали объединению территорий, расположенных на британском острове, а инсулярность начала закрепляться как политическое образование, выстраиваясь в границах единого географического объекта. Активное освоение англичанами моря, начавшееся на рубеже XV и XVI вв., было связано, прежде всего, с тем, что страна начала строить трехмачтовые судна с прямым парусным вооружением и галеоны. До этого, как подмечает А. Ламберт, инсулярность (здесь – именно островное положение. – *А.Л., Ю.П., Е.С.*) не имела какого-либо стратегического преимущества для страны [Lambert 2018, p. 266].

В дальнейшем, с развитием мореходства и вооружения, Англия стала наращивать свою мощь как военная и торговая держава. Во время англо-французской войны 1543–1546 гг. Англия смогла противопоставить французам собственный флот и морскую армию, успешно проявивших себя в ряде военных событий, в частности, взятии Булони (1544 г.). У англичан усиливалось чувство собственной защищенности, обеспеченное островной изолированностью: естественные морские границы позволяли Англии поддерживать свою относительную безопасность, что давало толчок к освоению новых земель и развитию торговых отношений за пределами Европы.

Примечательно, что долгая история отношений между англичанами и французами заложила основания оппозиции «свой» – «чужой». Существующая в английском языке поговорка *The wogs begin at Calais* (Черномазые начинаются с Кале) хорошо иллюстрирует то, как географические границы Ла-Манша определяют и культурные границы, за пределами которых для британцев начинаются земли «варваров».

Идея инсулярности находила выражение и в творчестве самого значительного поэта и драматурга того времени – У. Шекспира. А. Фалконер отмечает, что своим творчеством

Шекспир нашел выражение яркому патриотизму, в основе которого лежала идея об избранности родного англичанам острова [Falconer, 1964]. Многие произведения У. Шекспира содержат в себе строки, в которых подчеркивается как факт островной изолированности и защищенности, так и островное величие и богоизбранность родного писателю острова. В частности, сюда относятся строки из пьесы «Генрих VI», в которых Англия представлена как защищенная не только «непроходимым забором» морей, но и самими богом [Shakespeare 1937, p. 691]. В другой пьесе – «Король Иоанн» – Англия предстает как отгороженный стеной моря бастион, защищающий от иноземцев [Shakespeare 1937, p. 18]. Пожалуй, самыми знаменитыми словами Шекспира, подчеркивающими инсулярность в ее наибольшей степени, стали строки из пьесы «Ричард II» [Shakespeare, p. 107]. В них остров предстает одновременно и царственным, и божественным местом, полураем, в котором мифологические и религиозные традиции придают ему особый статус.

Исследователи [Lambert 2018; Falconer 1964] подчеркивают, что усиление инсулярности в политическом отношении породило и соответствующий язык, который находил свое выражение в творчестве писателей и мыслителей того времени. Ярким представителем в этом смысле являлся Томас Мор (1478–1535) – философ, писатель и государственный деятель. В 1518 г. из-под его пера вышла книга «Утопия», в которой Мор отразил свои представления об идеальном островном государстве – острове-Утопии, берег которого «настолько укреплен природой или искусством, что немногие защитники со стороны суши могут отразить огромное войско» [Мор 2022, с. 59].

Утопия, представленная Мором, – не только хорошо укрепленное место, но и особое политическое образование. Его правители, избираемые демократическим путем из числа ученых, справедливы и мудры. Произведение Т. Мора невольно наводило жителей Британских островов на мысль о самой Британии, находящейся в процессе осознания своей этнокультурной идентичности, поэтому изображавшийся остров наделялся как поэтическим, так и политическим содержанием.

С середины XVI в. британская инсулярность как часть национальной идентичности становится предметом детального рассмотрения английских гуманистов. Такие понятия, как «география», «территория» и «история» в восприятии гуманистов были связаны между собой идеей государственности [Прошлое для настоящего..., с. 215].

Большую популярность в то время приобретает антикварианизм, или исследование истории по ее артефактам. Английские антикварианты пытались понять суть исторического движения своей страны и определить ее место и роль в структуре мирового порядка. Среди английских антиквариантов стоит назвать такие имена, как У. Рели, Дж. Стоун, Дж. Селден. Но, пожалуй, наиболее ярким их представителем являлся Уильям Кемден (1551–1623) – английский историк и археолог, наиболее значимым трудом которого оказалась выпущенная в 1586 г. книга «Британия» (Britannia).

Уже на первых страницах У. Кемден называет Британию «самым знаменитым островом в мире» [Camden 1722], тем самым задав тон на понимание своей страны как уникального места. Инсулярность в представлении Кемдена – особое пространственно-временное образование. Пространство этого образования очерчивалось как совокупность различных территорий и земель, объединенных британским островом. Время же представало в вертикальном срезе: Британия изображалась как преемница Римской империи, как исторически сложившееся государство, взявшее лучшие античные традиции и соединившее их со своими устоявшимися религиозно-мифологическими представлениями. История Кемдена – это территориальная история, политически объединенная идеей британского государства [Fussner 2010].

Особый интерес вызывает отношение к институту монархии в Великобритании. Знаменитая британская формула «Король царствует, но не правит» (The King reigns but does not rule) достаточно хорошо подчеркивает ритуальный и символический характер

монархического правления в стране, при котором монарх как бы оказывается вне реально принимаемых решений, тем самым сохраняя относительно высокий уровень народного признания и уважения. Достаточно упомянуть королеву Елизавету II, во время семидесятилетнего правления которой сменилось 15 премьер-министров.

Опубликованные недавно результаты исследования, проведенного британским национальным центром социальных исследований Nat Cen, подтверждают тезис об устойчивости высоких показателей поддержки британской королевы. Согласно предоставленному отчету, поддержка монарха в период с 1994 по 2021 г. в среднем держалась на уровне 67%. В 2021 г. 31% респондентов сказали, что монархия для страны «очень важна» (very important), а 24% подчеркнули ее относительную важность (quite important) [British Social Attitudes 2022].

Монархия по большей части встречает поддержку у старшего поколения. Согласно тому же отчету, 44% людей старше 55 лет отметили важность сохранения монархического строя [British Social Attitudes 2022]. Это подтверждает тезисы и о традиционализме системы правления в стране, и о склонности британцев к поддержанию сложившихся устоев и традиций. Неслучайно Г.Д. Гачев называет Британию «консервами» Евразии [Гачев 1995, с. 433].

Для британцев сакральное значение имеет возраст монархии. Соединяя прошлое и настоящее, британский монарх олицетворяет собой преемственность истории и традиций, что создает видимость незыблемости порядков, правил и самого уклада жизни. Для обычного британца это подпитывает веру в себя и наполняет смыслами собственное существование, а также упрочивает национальную идею.

Подобное восприятие политического строя объясняет и реакцию на смерть Елизаветы II в сентябре 2022 г. Согласно национальному опросу, 76% людей были огорчены уходом монарха, при этом 44% отметили, что не сдерживали слез [Smith 2022]. Это были слезы по ушедшей эпохе и, возможно, от неопределенности будущего, которое вносит свои коррективы в порядок вещей, задавая свой темп жизни и открывая глаза на реальную действительность. Другими словами, британская инсулярность с точки зрения отношения к институту монархии представляет собой темпоральное понятие, за которым стоят столетия формирования и развития нации.

Инсулярная культура Японии

Япония – островное государство, состоящее из четырех больших (Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю) и множества мелких островов, которые протянулись вдоль восточной оконечности Евразийского континента на 3500 км. Японию часто называют «небольшим» островным государством. Вместе с тем, по своей площади (372,2 тыс. кв. км), Япония превосходит не только Италию, но и Великобританию – самый крупный из Британских островов. Территория Японского архипелага подвержена частым тайфунам и землетрясениям. Каждый год фиксируется примерно 1,5 тыс. землетрясений различной силы, поскольку страна расположена в одной из самых сейсмоактивных зон.

Подобно Великобритании, Япония не всегда была географически отделена от континента. В эпоху Плейстоцена (от 2 580 000 до 11 700 лет назад – последний период оледенений на Земле) Япония была соединена с северо-запада с Евразией сухопутными переходами. Поскольку уровень океана был ниже современного примерно на 140 м., переселенцы могли проникать на территорию архипелага как с севера (современный Хоккайдо), так и с юга (современный Кюсю). Формированию ранней культуры населения Японии способствовал тот факт, что в вышеуказанный период ее территория представляла собой общий массив суши, не разделенный, как сейчас, на острова [Мещеряков 2004, с. 30].

Социокультурное значение японской модели инсулярности сформировалось под гораздо более заметным влиянием географического фактора. На протяжении большей части своей истории Япония существовала обособленно от других государств Восточной Азии. Указанное обстоятельство объяснялось не только географической отдаленностью Японских островов от Азиатского материка, но и «закрытостью» Японии. Большинство событий, происходивших в соседнем Китае, обходили Японию стороной. Во многом именно в силу отдаленного географического положения Японии на ее территории складывалась совершенно особая культура, характеризующаяся высокой степенью гомогенности. В отличие от западного мира, где постоянно шли процессы культурного взаимопроникновения и межкультурного взаимодействия, японская культура формировалась в условиях культурно-географической обособленности, когда инокультурные заимствования были достаточно редким явлением. В отличие от Великобритании, становление японской культуры происходило в условиях гораздо большей изоляции от остального мира.

Японский вариант культурной обособленности способствовал формированию у населения Японских островов ценностно-поведенческих установок. В Японии успешно прижилась особая система геополитических представлений, согласно которой весь мир делится на «культурный центр» и «варварскую периферию». Для японцев племена *хаято*, проживавшие на юге страны и *айну*, заселявшие север Японии, являлись соседями-варварами. Подобное отношение распространялось и на европейцев. Португальцев и испанцев, прибывших в Японию в XVI в., японцы пренебрежительно называли *намбандзин* (南蛮人 – «южные варвары»), тогда как выходцы из протестантских стран – англичане и голландцы именовались *комодзин* (紅毛人 – «красноволосые варвары») [Гришачев 2015, с. 50–51].

Концепция «культурный центр – варварская периферия» получила распространение во многих странах восточноазиатского региона. Именно «культурная инсулярность» Японии, основу которой составляла вышеупомянутая концепция, стала одной из главных причин значительных сложностей, возникших при попытках европейских держав установить дипломатические контакты с этой страной.

Высокий уровень культурной гомогенности и отсутствие иностранцев в Японии в эпоху самоизоляции страны (1641–1853 гг.) способствовали возникновению в японском менталитете оппозиции «свой» (内) – «чужой» (外). Граница между «своими» и «чужими» носит ситуационный характер и зависит от системы отсчета. Например, если говорить о рабочем коллективе, то коллеги по работе входят в число «своих», а если точкой отсчета выступает семья, то здесь сослуживцы перейдут в разряд «чужих». Однако все отношения в японском социуме строятся именно по принципу «свой» – «чужой». В более широком смысле деление на «своих» и «чужих» может сводиться к противопоставлению всего японского всему «неяпонскому» [Орлянская 2009, с. 47–48].

Японская инсулярность и «островной менталитет» способствовали возникновению у населения Японии отчасти схожей с англичанами модели национальной идентичности – осознание себя как «особой» нации. Речь идет даже не столько об «избранности», сколько о собственном божественном происхождении и чувстве превосходства над другими народами. Данная модель национальной идентичности имеет самое прямое отношение к религиозному самосознанию японцев, которое заметно отличается от сложившейся системы верований в восточноазиатских государствах. Основу основ японского менталитета составляет синтоизм. В эпоху Эдо в Японии на основе догматов синтоизма возникла идеология *кокутай* (国体 – государственный строй), суть которой составляет управление народом императорами, являющимися потомками богов, которые в начале времен послали их на землю. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Кожевникова, что «... понятие *кокутай* отражало представление о превосходстве Японии над прочими странами мира и служило до конца Второй мировой войны основанием для пропаганды национализма» [Кожевников 2014, с. 170].

Отношение к себе как к «особой» нации особенно проявилось после русско-японской войны, из которой Япония вышла победителем. Для многих японских политиков и простых японцев незавидное экономическое послевоенное положение своей страны компенсировалось осознанием победы над Российской империей. Гордость подданных Японии за свое отечество вскоре переросла в явно завышенную оценку японских вооруженных сил и неверное понимание возможностей этого государства на мировой арене.

В июле 1905 г., еще до подписания мирного договора между Японией и Россией, либеральное немецкое издание *Berliner Tageblatt* в свойственной прессы образной манере заметило, что «вся Япония напоминает человека, никогда не пившего ни капли вина, и вдруг <...> после нескольких глотков под влиянием опьянения начинающего себя считать полубогом»¹.

У очевидцев русско-японской войны имелось достаточно оснований для того, чтобы упрекнуть японцев в завышенной самооценке. Например, верхняя палата парламента Японии, оценив по достоинству заслуги японских вооруженных сил, в то же время пафосно назвала региональный русско-японский военный конфликт, в котором, к слову, японское правительство первым запросило мира, «судьбоносным событием для Японской империи, от которого зависело благополучие в Восточной Азии»².

На волне подъема национализма в Японии стали появляться философско-геополитические концепции, в рамках которых японские ученые и мыслители (Кандзо Утимура, Нитобэ Инадзо, Иноуэ Энрѳ, Суэмацу Кэнтѳ и др.) рассуждали о «великих задачах, стоящих перед Японией, сумевшей соединить в себе самое лучшее из Востока и из Запада, <...> и живительный дух (healthy fluid) которой должен наполнить весь мир» [Taylor 1983, p. 216]. Указывалось также на консолидирующую роль Японии в деле объединения и «ассимиляции восточноазиатских народов под японским началом, на принципах твердости в управлении и свободы в обществе» [Nitobe Inazo 1912, p. 256], [Suyematsu Kencho 1905, p. 337]. Кроме того, заявлялось, что на Японских островах в ближайшее время разовьется некая единая историческая цивилизация, которая затем подчинит себе весь остальной мир³.

Победная эйфория на какое-то время избавила население Японских островов от адекватного восприятия реальности. Только этим можно объяснить высказывавшееся суждение о возможности установления границы между Японией и Россией по озеру Байкал и утверждение о готовности Японии захватить Владивосток в течение 24 часов⁴.

Подобно тому, как в Великобритании монархическое правление существует на протяжении практически всей истории государства (исключение составляет разве что республиканское правление О. Кромвеля в 1649–1660 гг.), в Японии «начиная с императора Дзимму, династическая императорская линия никогда не прерывалась, и потому нынешний император Акихито (с 1 мая 2019 г. император Японии – Нарухито. – А.Л., Ю.П., Е.С.) является сто двадцать пятым потомком первого верховного правителя Японии» [Панов 2012, с. 172–173].

На протяжении всей истории Японии император являлся священным для японцев. Население Японских островов не приняло китайскую модель конфуцианства, в соответствии с которой институт императорской власти не имеет абсолютного характера. В силу этого история Страны восходящего солнца (в отличие от того же Китая) не знает случаев свержения императора в ходе каких-либо социальных потрясений. Во многом именно почитание императора и осознание японцами незыблемости института императорской власти обусловило достаточно высокий уровень гражданственности населения Японии, его ориентированности

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 89, Оп. 1, Д. № 11, Л. 87.

² Благодарственная резолюция верхней палаты японского парламента вооруженным силам. Архив Национального института оборонных исследований (Токио). Ф. Бунко тиѳда сирѳ 220.

³ РГВИА, Ф. 89, Оп. 1, Д. № 11, Л. 87.

⁴ РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1, Д. № 1070, Л. 103–105.

на коллектив, а не на внутрисемейные связи. В этом смысле очень показательным является сравнение японского и китайского социумов, которое приводит Ф. Фукуяма – «гранит и песок». В данном случае речь идет о сопоставлении японского общества с гранитным монолитом, которое менее подвержено угрозе социальных катаклизмов и где принято на первый план ставить интересы коллектива (в более широком смысле – государства), а не свои личные интересы [Фукуяма, 1997]. Таким образом, в Японии обязанности перед государством и императором ставятся выше, чем собственные права и интересы.

Японский вариант конфуцианства с его сакрализацией института императора сформировал среди японцев трепетное отношение к императорской власти не только в самой Японии. Например, после Февральской революции в России, приведшей к падению монархии, как в высших правительственных кругах, так и на уровне простых обывателей высказывалось немало слов сочувствия в адрес Николая II, хотя отношения с Россией к тому времени уже не отличались особой теплотой. В газетных публикациях не только не промелькнуло ни одного неуместного высказывания в адрес Николая II, но и напротив – японцы постарались объяснить решение последнего российского императора отречься от престола патриотическими мотивами, а именно нежеланием русского царя подвергать в столь трудную минуту страну ужасам гражданской войны⁵.

Заключение.

Британская и японская культуры: общее и особенное

Таким образом, констатируем, что островное положение Великобритании и Японии, климатические и природные особенности этих стран предопределили не только специфику расселения людей на острове и особенности ведения ими хозяйства, но и обусловили особенности менталитета и национального сознания народов этих стран. В понятии «инсулярность» заложен большой объединяющий потенциал, который составляет ядро национальной идентичности и создает фундамент для ее ценностного наполнения. Инсулярность следует рассматривать как физическую и метафизическую границу, отделяющую своего от чужого. Далекое не случайно образ «другого», образ «врага» стал определяющим фактором в формировании национальной идентичности как британцев, так и японцев. Подобное разделение между «своим» и «чужим» легло в основание ряда ценностей культур обеих стран. Островной менталитет как составная часть ценностных установок британской и японской культур сформировал в национальном сознании англичан и японцев семантику особенности, «отграниченности» и нередко высокомерного отношения к другим народам.

Подчеркнем также, что инсулярные культуры Японии и Великобритании имеют несколько существенных отличий.

Во-первых, Япония является островной страной на Тихоокеанском побережье, а Великобритания – островом в Северной Европе. Это формировало различные культурные традиции и обычаи.

Во-вторых, Япония имеет более выраженное иерархическое общество, где уважение к старшим и авторитетам является ключевым аспектом японской культуры. Великобритания же имеет более индивидуалистическое общество с меньшей степенью иерархии. В-третьих, Япония более традиционна, и в японской жизни культурные и религиозные обычаи, нормы и ценности имеют очень важное значение. В свою очередь, Великобритания более современна и более пластично вписывает в практику своей жизни множество иных культурных традиций и новых идей.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), Ф. «Японский стол», Оп. 493, Д. № 925 (Ч. 1), Л. 70).

В-четвертых, японская культура больше фокусируется на коллективизме, где группа имеет большое значение, в то время как Великобритания, отчасти находясь под влиянием европейского менталитета, больше ориентирована на индивидуализм и личную свободу.

Понятия инсулярность и «островной менталитет» представляют большой теоретический и практический научный интерес с точки зрения выявления этнокультурных особенностей, присущих островным народам, а также для прогнозирования межкультурных и межэтнических процессов в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баранова Л.Л., Мишина Л.Ф. Вербальное отражение концепта ‘insularity’ как составной части понятийной картины мира британцев (на материале журнала The Economist) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 112–121. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-2-112-121
- Блэк Дж. История Британских островов / пер. с англ. С.В. Иванова. Санкт-Петербург: Евразия. 2008.
- Волкова Е.В. Сравнительный анализ языковых концептов «INSULARITY» и «GEZELLIGHEID» в британской и нидерландской картинах мира // Современный ученый. 2022. № 6. С. 16–19.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Москва: Прогресс-Культура. 1995. 480 с.
- Гришачев С.В. Контакты России со странами Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. Москва: МГИМО–Университет. 2015. С. 49–87.
- Клакхон К.К.М. Зеркало для человека: Введение в антропологию. Санкт-Петербург: Евразия. 1998.
- Кожневников В.В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 166–179.
- Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва: Наталис. 2004.
- Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б. Терминологический словарь по физической географии: справ. Пособие / под ред. Ф.Н. Милькова. Москва: Высшая школа. 1993.
- Мор Т. Утопия // Классическая утопия. Москва: АСТ. 2022. С. 3–152.
- Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 46–57.
- Панов А.Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Ежегодник Японии. 2012. Том 41. С. 172–185.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон. 2020.
- Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия // Русский журнал. 25.12.1997. http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html?ysclid=lh7fobymqn468635742 (дата обращения 03.05.2023).

REFERENCES

- Baranova, L.L., Mishina L.F. (2021). Verbal’noe otrazhenie kontseptsa ‘insularity’ kak sostavnoi chasti ponyatiinoi kartiny mira britantsev (na materiale zhurnala The Economist) [Verbal Reflection of the “Insularity” Concept as Part of the British Conceptual Worldview (Based on the Material of The Economist Magazine)]. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 27(2), 112–121. (In Russian). <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-112-121>. (In Russian).
- Black, J. (2008). *Istoriya Britanskikh ostrovov* [A History of the British Isles]. Saint Petersburg: Evraziya, 2008. (In Russian).

- Fukuyama, F. (1997). Konfutsianstvo i demokratiya [Confucianism and Democracy] Retrieved May 3, 2023, from http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html?ysclid=lh7fobymqn468635742
- Gachev, G.D. (1995). *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikhologos* [National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow: Progress-Kul'tura. (In Russian).
- Grishachev, S.V. (2015). Kontakty Rossii so stranami Dal'nego Vostoka v XVIII–XIX vv. [Contacts of Russia with the Countries of the Far East in the 18th–19th Centuries]. In A.V. Torkunov, M. Iokibe (Eds.), // *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii* [Russian-Japanese Relations in the Format of a Parallel History]. A.V. Torkunov, M. Iokimbeh (Eds.). Moscow: MGIMO – University. (In Russian).
- Klakhon, K.K.M. (1998). *Zerkalo dlyja cheloveka: Vvedenie v antropologiyju* [Mirror for Man : Introduction to Anthropology]. Saint Petersburg: Evraziya. (In Russian).
- Kozhevnikov, V.V. (2014). Sinto i natsionalizm v Yaponii (problema khrama Yasukuni) [Shinto and Nationalism in Japan: The Problem of the Yasukuni Shrine]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 4 (86), C. 166–179. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2004). *Kniga yaponskikh simvolov. Kniga yaponskikh obyknovenii* [Book of Japanese Characters/Symbols. Book of Japanese Customs]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Mil'kov, F.N., Berezhnoi, A.V., Mikhno, V.B. (1993). *Terminologicheskij slovar' po fizicheskoi geografii* [Terminological Dictionary of Physical Geography]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
- More, Th. (2022). Utopiya [Utopia]. In *Klassicheskaya utopiya* [Classical Utopia] (pp. 3–152). Moscow: AST. (In Russian).
- Orlyanskaya, T.G. (2009). Istoki svoebraziya yaponskoi kul'tury [The Origins of the Originality of Japanese Culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication] 19. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 4, 46–57. (In Russian).
- Panov, A.N. (2012). Institut imperatora i ego mesto v gosudarstvennoi sisteme sovremennoi Yaponii [The Institute of the Emperor and his Place in the State System of Modern Japan]. // *Ezhгодnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 41, 172–185. (In Russian).
- Repina, L. (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present : History / Memory and Narratives of National Identity]. Moscow: Akvilon. (In Russian).
- Volkova, E.V. (2022). Sravnitel'nyi analiz yazykovykh kontseptov «INSULARITY» i «GEZELLIGHEID» v britanskoi i niderlandskoi kartinakh mira Sravnitel'nyj analiz jazykovykh kontseptov «INSULARITY» i «GEZELLIGHEID» v britanskoi i niderlandskoi kartinah mira [Comparative Analysis of the Linguistic Concepts “INSULARITY” and “GEZELLIGHEID” in the British and Dutch Worldviews]. *Modern Scientist*, 6, 16–19. (In Russian).

* * *

- Armitage, D. (2004). *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- British Social Attitudes to the monarchy (2022, September 9). *National Centre for Social Research*. Retrieved April 10, 2023, from <https://natcen.ac.uk/news/british-social-attitudes-monarchy>
- Camden, W. (1722). *Britannia, or, A chorographical description of Great Britain and Ireland, together with the adjacent islands*. Retrieved March 20, 2023, from https://archive.org/details/gri_britanniaora02camd
- Falconer, A.F. (1964). *Shakespeare and the Sea*. Retrieved March 20, 2023, from <https://archive.org/details/shakespearesea0000falc/page/n7/mode/2up?view=theater>
- Fussner, F.S. (2010). *The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought 1580–1640*. London: Routledge.
- Gillespie, R., Williamson, M. (2009). Britain and Ireland. In R.G. Gillespie & D.A. Clague (Eds.), *Encyclopedia of Islands* (p. 116–126). University of California Press.

- Herskovits, M. (1955). *Cultural Anthropology*. New York: Alfred, A. Knopr. Inc. Ltd.
- Lambert, A. (2018). *Seapower States: Maritime Culture, Continental Empires and the Conflict That Made the Modern World*. Yale University Press.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. (1992). Harlow: Longman Group UK Limited.
- Nitobe, Inazo. (1912). *The Japanese Nation, Its Land, Its People, and Its Life: With Special Consideration to Its Relations With the United States*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Shakespeare, W. (1937). *The Works of Shakespeare in Four Volumes*. Vol. II. Mosco : Co-operative Publishing Society.
- Simpson, J.A., Weiner, E.S.C. (Eds.). (1989). Vol. VIII. Internal – Looie. Oxford: Clarendon Press.
- Smith, M. (2022, September 13). How have Britons reacted to Queen Elizabeth II's death? *YouGov*. Retrieved April 10, 2023, from <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2022/09/13/how-have-britons-reacted-queen-elizabeth-iis-death>
- Stringer, C. (2011). The Changing Landscapes of the Earliest Human Occupation of Britain and Europe. *Developments in Quaternary Science*, 14, 1–10. 10.1016/B978-0-444-53597-9.00001-7 <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53597-9.00001-7>
- Suyematsu, Kencho. (1905). *The Risen Sun*. London: Archibald Constable.
- Taylor, J. (1983). *Shadows of the Rising Sun: a Critical View of the "Japanese Miracle."* New York: Morrow.

Поступила в редакцию: 04.05.2023

Received: 04 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023